

В.В. Василенко

Британская политика в польском вопросе накануне и во время Тегеранской конференции 1943 г.

Тегеранская конференция 1943 г. явилась первым за годы войны саммитом основных участников антигитлеровской коалиции – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Военные успехи союзных держав, особенно победа Красной Армии на Курской дуге, и усиление их мощи обусловили коренной перелом в войне и предопределили поражение стран «оси» во главе с Германией. В результате во второй половине 1943 г. наряду с необходимостью согласования общей стратегии, нацеленной на приближение поражения Германии и ее союзников, в отношениях между СССР, США и Великобританией все большее значение приобретали проблемы послевоенного устройства мира и принципы сотрудничества держав-участниц антигитлеровской коалиции. На фоне общего перевеса сил союзников заметно изменилась расстановка сил внутри коалиции. В настоящее время общепризнан факт, что именно на Тегеранской конференции отчетливо проявилось уменьшение британского и усиление советского влияния в «Большой тройке». Эту тенденцию отмечали сами современники, в частности А. Иден, который тогда занимал пост министра иностранных дел Великобритании [1]. Косвенным подтверждением было и то, что в состав делегаций Соединенных Штатов Америки и Великобритании на Тегеранской конференции входили их послы в СССР – А. Гарриман и сэр А. Кларк Керр.

В литературе уменьшение влияния Великобритании в ходе Второй мировой войны рассматривается обычно на примере согласования общей стратегии союзников по антигитлеровской коалиции. На наш взгляд, не менее актуален в этой связи анализ британской политики в польском вопросе, который, по мнению ряда современных исследователей, был одной из причин послевоенного противостояния между бывшими союзниками. Ее изучение, таким образом, дает основание характеризовать в целом расстановку сил внутри антигитлеровской коалиции к концу войны, а также выявить конкретные факторы обострения польского вопроса.

Польша, Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ) в целом не являлись сферой приоритетных внешнеполитических интересов Великобритании. Хотя формальным поводом для ее

вступления в войну против Германии 3 сентября 1939 г. считалось гитлеровское вторжение в Польшу, с которой Великобритания была связана союзными обязательствами, этот шаг был в первую очередь продиктован германской угрозой самому Соединенному Королевству. Основной целью Британия видела сохранение собственного могущества и обеспечение безопасности империи, а для этого необходимо было нанести поражение гитлеровскому блоку, противоречия с которым представлялись британскому руководству неразрешимыми. После падения Франции в июне 1940 г., продолжая фактически в одиночку бороться против Германии, Британия стремилась к консолидации антигитлеровских сил, поэтому приветствовала на своей территории различные антифашистские группы, а также эмигрантские правительства, в том числе Польши.

Британское руководство еще до падения Франции невысоко оценивало совместные шансы на победу в войне против Германии, поэтому политика Великобритании была нацелена на расширение числа союзных великих держав. Предпринимались целенаправленные действия по преодолению нейтралитета США в войне. В Лондоне считали, что война между СССР и Германией неизбежна [2, р. 420–421]. Поэтому до июня 1941 г. Великобритания воздерживалась от резкого осуждения политики СССР, который сохранял дружественные отношения с Германией, более того, предприняла в мае 1940 г. попытку оторвать Советский Союз от Гитлера, пообещав территориальные уступки за счет Центральной и Восточной Европы.

В этой связи ЦВЕ в целом и Польша как ее наиболее крупная и стратегически уязвимая страна стали занимать особое место во внешнеполитических комбинациях Великобритании, что не в последнюю очередь объяснялось тем, что этот регион был объектом геополитических притязаний со стороны как Германии, так и Советского Союза.

С начала войны в Великобритании приступили к разработке концепции федераций, или региональных блоков, в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, которые в перспективе должны были стать препятствием на пути

к доминированию какой-либо великой державы в этом регионе, а именно: сыграть роль барьера против возрождения могущественной Германии и установления советского влияния. В этом русле официальный Лондон приветствовал планы эмигрантских правительств по созданию подобных государственных объединений. Более того, по всей вероятности, именно британское руководство способствовало появлению проекта польско-чехословацкой федерации [3, с. 354]. Федеративные планы Великобритании в данном регионе в ходе дальнейшей их разработки в Форин офисе были дополнены и стали, по определению современного британского исследователя К. Сэйнсбери, частью «общего пакета для Восточной Европы», который в итоге приобрел отчетливую антисоветскую направленность [4, р. 96].

Польское эмигрантское правительство, переместившееся после поражения Франции в Лондон, считало своей основной целью активное содействие Великобритании в ее борьбе против Германии, рассчитывая в дальнейшем на британскую помощь в освобождении своей страны. Для поляков в их борьбе против Гитлера главным вопросом будущего урегулирования было определение места Польши в послевоенной Европе. С самого начала войны польское эмигрантское правительство пыталось добиться определенных британских гарантий неизменности довоенных, прежде всего советско-польских, границ на востоке, однако ответная, весьма противоречивая британская формула одновременно включала и несогласие с разделом Польши, и отказ от обязательств по восстановлению ее довоенных границ с СССР [5, р. 5]. Это свидетельствовало о нежелании британских официальных кругов заниматься польским территориальным урегулированием в ходе войны, поскольку негативная реакция Кремля затруднила бы достижение соглашения с СССР.

Идеи создания федерации в ЦВЕ получили широкое распространение в польских эмигрантских кругах. Они вылились в конкретный проект объединения Польши и Чехословакии, которому отводилось значительное место в программе послевоенного урегулирования, предлагаемой главой польского правительства в эмиграции В. Сикорским. Польский лидер видел единственное решение дилеммы безопасности Польской республики в соглашении с СССР, в то время как сближение с Германией было исключено. В то же время он обоснованно опасался, что этот курс чреват для Польши зависимостью от Советского Союза и даже советизацией страны. Однако В. Сикорский намеревался нейтрализо-

вать эту опасность при помощи поддержки западных демократий. В результате объединение малых и средних стран Центральной и Восточной Европы представлялось ему единственной реальной силой, которая могла бы противостоять давлению Германии с запада и СССР с востока. Ядром такого объединения государств и должна была стать федерация Польши и Чехословакии.

В целом концепция В. Сикорского не противоречила позиции Великобритании. Таким образом, хотя первоначальная идея польско-чехословацкого объединения исходила от англичан, она соответствовала стремлениям польского руководства в эмиграции. В итоге такое совпадение британской и польской позиций не только являлось одним из факторов успешного сотрудничества двух правительств в ходе войны, но и давало польскому руководству реальные основания надеяться на защиту интересов страны со стороны Великобритании в вопросах послевоенного урегулирования.

Однако уже с самого начала в процессе обсуждения проекта польско-чехословацкой федерации возникли трудности из-за разногласий между сторонами будущего объединения, в частности по вопросу о принадлежности Тешинской Силезии. Кроме того, стороны по-разному определяли и характер будущего объединения: польский проект предполагал тесный военно-политический союз двух государств, а чехословацкий – скорее зону свободной торговли [8]. Такое различие было обусловлено стремлением каждой из сторон к преобладанию в будущем объединении.

Эволюция британской позиции в польском вопросе в ходе Второй мировой войны проходила под воздействием интересов большой стратегии союзников, переломным моментом которой стало нападение Германии на СССР. После этого для Великобритании надолго исчезла угроза непосредственного вражеского вторжения и обозначилась возможность победы над Германией. Британским интересам соответствовало максимально длительное сопротивление Советского Союза, поэтому правительство Великобритании стремилось проводить взвешенную и осторожную политику по отношению к СССР, не желая давать советскому руководству лишних оснований для претензий.

В связи с этим для британского правительства большие затруднения представлял вопрос признания западных границ СССР по состоянию до 22 июня 1941 г., который советская сторона непосредственно увязывала с заключением советско-британского союзного договора. Формаль-

но, будучи связанной Атлантической хартией и конкретными обязательствами по отношению к польскому эмигрантскому правительству, Великобритания не могла открыто пойти на признание требований СССР. Нежелательным было и неофициальное признание, так как сведения о подобных переговорах так или иначе просачивались в западную прессу, вызывая негативный резонанс среди эмигрантских союзных правительств. Однако самое важное состояло в том, что Великобритания, в условиях постепенного уменьшения своего могущества, была вынуждена использовать проблему признания в качестве своего последнего «козыря» в переговорах с советской стороной. Так, на первом этапе войны она дала понять СССР, что готова пока неофициально признать его территориальные приобретения. Правда, в британском руководстве не было единой позиции в отношении различных частей этих территорий. Ввиду особой активности польского эмигрантского правительства в борьбе против Германии английская сторона не хотела признавать присоединение к СССР именно Восточной Польши, при этом проявляя большую сговорчивость по прибалтийским государствам, а также Бессарабии и Северной Буковине, захваченным СССР у союзной Германии Румынии.

В ходе длительных переговоров СССР и Великобритании о заключении союза, проходивших с декабря 1941 г. по май 1942 г., британскому правительству, уже на том этапе войны имевшему довольно слабые переговорные позиции, пришлось пойти на признание факта присоединения всех территорий, кроме Восточной Польши. Однако переговоры зашли в тупик из-за неуступчивости советской стороны, которая требовала признания всех без исключения границ на момент нападения Германии на СССР. Эта позиция подкреплялась тем, что к весне 1942 г. намечалось улучшение стратегического положения Советского Союза. И только намек президента США Ф.Д. Рузвельта на возможность открытия второго фронта, насколько можно судить по документам, ставшим доступными в настоящее время, побудил советское правительство уступить на данном этапе в вопросе о территориях. Безусловно, такой поворот был с большим воодушевлением принят и британским, и польским эмигрантскими правительствами.

Однако одновременно с заключением советско-британского союзного договора на благоприятных для Великобритании условиях проявились и негативные тенденции, сказавшиеся на британской политике в отношении как польского эмигрантского правительства, Польши, так и региона ЦВЕ в целом.

Вскоре после присоединения СССР к антигитлеровской коалиции на первый план в дискуссиях между польским и чехословацким эмигрантскими правительствами по поводу будущей федерации выходит еще одна причина разногласий – отношение к Советскому Союзу. В создании федерации лондонские поляки рассчитывали на поддержку западных союзников, а также придавали данному объединению не только антигерманскую, но и определенную антисоветскую направленность. Несмотря на установление отношений между советским и польским эмигрантскими правительствами 30 июля 1941 г., с осени 1941 г. здесь начали накапливаться проблемы. Одна из них, в частности, возникла в результате того, что польское руководство, не без давления со стороны Великобритании, приняло решение о выводе своей армии, создававшейся на территории СССР, на Ближний Восток. Чехословацкое руководство твердо придерживалось точки зрения, что для будущей федерации необходима не только западная, но и советская поддержка, предвидя, что в послевоенной Центральной и Восточной Европе будет доминировать именно Советский Союз.

Великобритания также считала, что необходимо получить согласие СССР на осуществление проекта польско-чехословацкой федерации. Во время англо-советских переговоров о союзном договоре британская сторона, подчеркнуто воздерживаясь от обсуждения деталей послевоенного устройства, неоднократно поднимала вопрос о федерациях в ЦВЕ, что свидетельствует о значимости этой проблемы. Она сохранилась в повестке дня и дальнейших англо-советских контактов. Так, в июне 1942 г. английская сторона заявила, что с целью избежать особого влияния одной из великих держав в каком-либо регионе по окончании войны нежелательно в ее ходе заключать двусторонние договоры с малыми странами или их правительствами в эмиграции по поводу послевоенного устройства [7, с. 316–317]. Вряд ли можно поставить под сомнение точку зрения К. Сэйнсбери, что целью данных британских построений было ограничение советского влияния в Центральной и Восточной Европе.

Советское правительство еще до вступления СССР в войну внимательно следило за развитием проекта послевоенной федерации двух соседних государств, не демонстрируя своего отношения к этому. В дальнейшем, уже в ходе переговоров с Британией о подписании союзного договора в декабре 1941 г., советский лидер подчеркнул, что с его стороны нет возражений против создания федераций, и это предполагалось закрепить в тексте договора. Однако в итоге из текста дого-

вора, подписанного 26 мая 1942 г., были исключены не только территориальные вопросы, но и упоминание о федерациях. Более того, глава советской делегации В.М. Молотов 9 июня в беседе с президентом Чехословацкой Республики Э. Бенешем подчеркнул, что «проявляется тенденция к использованию польско-чехословацкой федерации против СССР» [7, с. 324]. Результатом советского демарша было фактическое прекращение работы чехословацкого правительства над данным проектом. В то же время советская сторона не пошла на демонстрацию своего недовольства британскому руководству, что послужило основанием для надежды Великобритании на получение в итоге согласия СССР на свои федеративные планы.

Лондон, опасаясь возросшего влияния СССР в коалиции, подкрепленного успехами Красной Армии и усилением военного могущества страны, детально прорабатывал планы по противодействию будущему советскому преобладанию в ЦВЕ. В реализации своей программы англичане рассчитывали на поддержку США.

Московская конференция министров иностранных дел (19–30 октября 1943 г.) была первой за время войны встречей представителей СССР, США и Великобритании и в то же время подготовительной для саммита глав «Большой тройки» в Тегеране. Великобритания представила на рассмотрение союзников детально разработанную программу для ЦВЕ, включавшую польский вопрос и занимавшую значительное место среди британских стратегических инициатив в планах послевоенного урегулирования. Она объединяла «пакетом», по определению К. Сэйнсбери, следующие принципы: 1) совместная ответственность за Европу; 2) отказ от заключения соглашений по послевоенным вопросам с малыми странами в ходе войны; 3) общая политика главных союзников в отношении освобожденных территорий союзных стран; 4) создание федераций в регионе для противостояния Германии. Эта программа была адресована прежде всего СССР, и легко было предсказать негативную реакцию советской стороны. В этой связи англичане рассчитывали на американскую поддержку, но ожидания не оправдались: британский министр столкнулся с демонстративным безразличием К. Хэлла к поставленным вопросам, что, в свою очередь, «развязывало руки» советской стороне [8, с. 235]. Хотя советская позиция исходила из разного отношения к отдельным пунктам британской программы – от неприятия проектов федераций в ЦВЕ до возможности обсуждения общей политики в отношении освобожденных территорий в рамках созданной Ев-

ропейской консультативной комиссии, – в целом союзники отвергли английские предложения. Эта неудача британской дипломатии свидетельствовала об ослаблении позиций Великобритании в антигитлеровской коалиции, что существенно ограничивало ее возможности отстаивать в дальнейшем польские интересы в том виде, в каком они были сформулированы в программе, и вело к ослаблению британо-польского сотрудничества.

Важнейшим направлением этого сотрудничества являлось решение вопросов военной стратегии. Объектами стратегического планирования польского руководства были польские регулярные войска и подчиняющиеся ему вооруженные силы подполья – Союз вооруженной борьбы (СВБ), переименованный в феврале 1942 г. в Армию Крайову (АК). Политическая цель польской военной стратегии состояла в том, чтобы в ходе освобождения Польши обеспечить приход к власти в стране польского эмигрантского правительства, а для этого польские войска должны были действовать вместе с армиями союзников. По разработанной к маю 1942 г. схеме польский премьер предполагал использовать польские регулярные силы на трех направлениях: армию Андерса, которая начала создаваться по советско-польскому соглашению летом 1941 г. с территории СССР, польские вооруженные силы на Западе из Великобритании через Францию и Германию, а также со Среднего Востока через Балканы и Придунайскую равнину. После того как в сентябре 1942 г. армия Андерса была выведена из СССР, военный штаб польского эмигрантского правительства признал наиболее перспективным вторжение через Балканы [9, с. 21]. Подпольный СВБ (затем АК) должен был внести свою лепту, подняв всеобщее восстание на территории оккупированной Польши при признаках явного поражения Германии в стране. Польское эмигрантское правительство также считало необходимым условием успеха своих стратегических планов координацию со стратегическими планами союзников, прежде всего Великобритании.

Выполнение этой задачи было косвенным образом связано с тем смыслом, который официальный Лондон придавал не раз упоминавшейся программе по ЦВЕ. В том виде, в каком ее представил А. Иден на Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г., программа была скорее «детисцем» Форин офиса, тогда как британский премьер делал акцент на ограничении влияния СССР в данном регионе при помощи вооруженных сил западных союзников. Известно, что У. Черчилль активно разрабатывал планы англо-американского вторжения на

Балканы, чтобы заставить капитулировать сателлитов Германии – Болгарию, Румынию и Венгрию, а также чтобы союзные войска могли остановить продвижение Красной Армии в этом направлении. Восстания в оккупированных странах ЦВЕ должны были облегчить реализацию этого плана. Еще в июле 1940 г. в Англии было создано самостоятельное Управление специальных операций для разработки и координации планов восстаний в оккупированных странах. Таким образом, согласованность британских и польских стратегических планов свидетельствовала об известном совпадении интересов сторон.

Несмотря на определенные успехи англо-американских войск в действиях против стран «оси», переговорные позиции Великобритании на предстоящей встрече глав «Большой тройки» в Тегеране были слабыми. Московская конференция, состоявшаяся накануне, продемонстрировала нежелание США поддерживать британские инициативы, в которых они не заинтересованы и которые могут повлечь недовольство СССР. Балканская стратегия У. Черчилля не входила в число приоритетов Соединенных Штатов, тем более, что американские военно-стратегические планы вторжения на континент были преимущественно ориентированы на советские представления о втором фронте. Советско-польские отношения находились в состоянии кризиса после того, как 23 апреля 1943 г. они были официально прерваны, и правительству Великобритании пришлось выступать в роли активного посредника в поисках путей урегулирования между двумя сторонами. После смерти В. Сикорского в начале июля 1943 г. британское руководство и вовсе было вынуждено взять на себя представление польских интересов. В Лондоне понимали, что это вызовет ухудшение британо-советских отношений. В этих условиях англичане прибегли к последнему «козырю» – согласились на советское требование о признании границ СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. Такое очевидное нарушение польских интересов они рассчитывали смягчить предложением, чтобы советско-польская граница проходила по «линии Керзона» так, чтобы Львов остался на польской территории. Однако эффективность британской инициативы во многом зависела от позиции США.

Свое неофициальное отношение к проблеме Ф.Д. Рузвельт высказал 3 сентября 1943 г. в беседе с архиепископом Ф. Спеллманом, содержание которой привела в своей работе американская исследователь А. Ценцяла. Президент сказал, что Сталин получит Финляндию, Прибалтику, Восточную Польшу и Бессарабию, поскольку «нет смысла противодействовать желаниям Стали-

на, потому что у него достаточно силы осуществить их и иным способом. Таким образом, лучше великодушно уступить»; и вообще, европейским странам придется пережить значительные перемены, чтобы приспособиться к России [10]. Однако на официальном уровне Рузвельт отказывался принимать какие-либо варианты территориального урегулирования в ходе войны и тем более избегал каких-либо негласных сделок по территориальным вопросам. Но поскольку регион ЦВЕ в целом и Польша в частности не являлись сферой важнейших интересов США, от американского президента можно было ожидать уступок. Позиция Рузвельта в Тегеране складывалась в первую очередь под влиянием стратегических целей США, которые включали скорейшую победу над Германией, вступление СССР в войну с Японией и его участие в международной организации. Для осуществления данных целей тактически было необходимо установить доверительные отношения со Сталиным, которые, по мнению президента, станут залогом эффективного сотрудничества наиболее могущественных держав послевоенного мира – США и СССР. Этим объясняется, на наш взгляд, отход Рузвельта от принципа непризнания соглашений по территориальным вопросам, заключенных во время войны. В беседе со Сталиным 1 декабря президент достаточно откровенно, как истинному союзнику, объяснил, что на предстоящих в конце 1944 г. выборах ему снова придется баллотироваться, а поскольку в США живут 6–7 млн американцев польского происхождения, то он «как практичный человек, не хотел бы потерять их голоса». Поэтому, хотя он и разделяет позицию Сталина по польским границам, но не будет участвовать ни в каких решениях и подписывать какие-либо соглашения до окончания выборов [10]. В этих условиях советскую сторону вполне устраивало молчаливое согласие Рузвельта с проектом урегулирования польских территориальных проблем, выработанным Черчиллем и Сталиным. Вероятно, американский президент считал, что наступил подходящий момент для того, чтобы извлечь наибольшую политическую выгоду из признания территориальных приобретений СССР, на которое рано или поздно все равно пришлось бы пойти.

Результатом Тегеранской конференции для Великобритании стало дальнейшее уменьшение ее роли в антигитлеровской коалиции, что проявилось в неудаче выдвинутых Черчиллем инициатив. Так, союзники отвергли его балканскую стратегию, в рамках которой он предлагал занять Рим и блокировать Германию с юга путем военных операций на Балканах. Черчилль попы-

тался оказать ответное давление, категорично предлагая перенести начало операции «Оверлорд» на более позднее время. По его словам, он не может «пожертвовать операциями в Средиземном море только ради того, чтобы сохранить дату 1 мая». В результате обстановка на заседании 29 ноября из-за советско-британских разногласий накалилась до предела. В итоге Сталин резко поднялся с места и, обращаясь к В.М. Молотову, сказал: «Идем, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте». Разрядить атмосферу смог лишь американский президент [7, с. 409]. При столь непримиримых позициях СССР и Великобритании именно Рузвельт сыграл решающую роль при определении союзнической стратегии, и балканский вариант Черчилля потерпел крах. Британскому премьеру также не удалось извлечь выгоду из признания де-факто советских приобретений первого этапа войны. В конце концов британское руководство было вынуждено акцентировать свое влияние на польское правительство, чтобы усилить свой вес. Так, А. Иден в ходе неофициальной беседы с В.М. Молотовым и Г. Гопкинсом, состоявшейся 30 ноября 1943 г. в здании английской миссии в Тегеране, отметил: «...мы могли бы сказать полякам, чтобы они согласились с нашим предложением» [7, с. 397].

Тегеранская конференция изменила расстановку сил в антигитлеровской коалиции и стала важным этапом эволюции позиций ее участников по польскому вопросу. После Тегерана за Британией прочно закрепился статус младшего союзника, чему немало способствовал неуспех британских инициатив по ограничению советского влияния в Центральной и Восточной Европе, выдвинутых на Московской конференции министров иностранных дел, а затем на саммите в Тегеране – программы по урегулированию в ЦВЕ и балканской стратегии Черчилля. Эти неудачи практически не оставляли шансов польскому эмигрантскому правительству на реализацию его программы послевоенного урегулирования. В новых условиях она нуждалась в серьезной корректировке, особенно в части представлений о послевоенном статусе Польши. Однако польские эмигрантские круги и лояльное им подполье, действовавшее на оккупированной территории, не были готовы к принципиальному пересмотру сложившихся взглядов на будущее Польши, поэтому проблема поиска новых основ послевоенного урегулирования была чревата кризисом в самом польском правительстве, что в свою очередь осложняло его дальнейшие отношения с британской стороной.

Литература

1. The Eden Memoirs. Vol. 2. The Reckoning. L., 1965.
2. Hinsley F.H. Churchill and the Use of Special Intelligence // Churchill: a Major New Assessment of His Life in Peace and War. Oxford, 1993.
3. Дурачиньски Э. Владислав Сикорский и Эдвард Бенеш: к чему стремились, чего достигли // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию В.К. Волкова. М., 2000.
4. Sainsbury K. Churchill and Roosevelt at War: the War They Waged and the Peace They Hoped to Make. N.Y., 1994.
5. Ross G. The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1945–1941. Cambridge, 1984.
6. Kolendo I.T. Dzialalnosc mieszanego Komitetu Koordynacyjnego polsko-czechoslowackiego w Londynie (1941–1942) // Dzieje Najnowsze. 1983. №12.
7. Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004.
8. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1 : Московская конференция министров. М., 1984.
9. Лазаревич Р. Варшавское восстание. М., 1989.
10. Cienciala A. Communist Nations since 1917. Kansas, 1999.